

Ляхович, Л.В. Российская историография французского абсолютизма рубежа 1980 – 1990 гг.: опыт дискурсивного анализа / Л.В. Ляхович // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. Вып. 9 / рэдкал.: С. М. Ходзін (адк. рэд.) [і інш.]. – Мн.: БДУ, 2014. – с. 179 – 189.

Л. В. ЛЯХОВИЧ

**РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
ФРАНЦУЗСКОГО АБСОЛЮТИЗМА
РУБЕЖА 1980—90-х гг.:
ОПЫТ ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА**

На основе многоуровневого дискурс-анализа исследуется этап методологического перехода и кардинальных изменений в российской историографии на рубеже 1980—90-х гг. Данный процесс показан на примере анализа темы французского абсолютизма как классического образца государственного строя Европы раннего Нового времени. Указаны причины, вызвавшие трансформацию и смену историографического дискурса.

The stage of methodological transition and radical changes in Russian historiography at the turn of the 1980—90 s. are examined on the basis of multi-level discourse analysis This process is shown on the example of the problems of French absolutism, which is the classic example of the state system in Europe of early New time. The causes of the transformation and change of historiographical discourse, as well as a concrete manifestation of these processes are shown.

Ключевые слова: историография, методология, трансформация, дискурс, текст, лингвистический поворот, новистика, абсолютная монархия, проблемное поле.

Keywords: historiography, methodology, transformation, discourse, text, linguistic turn, novistika, absolute monarchy, the problem field.

Выбор хронологических рамок и темы предлагаемой статьи неслучаен. Происходившие в это время в российской советской, а затем постсоветской историографии концептуальные изменения приобрели нео-

---

Ляховіч Ларыса Уладзіміраўна — дацэнт кафедры гісторыі Беларусі і музэязнаўства Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў, кандыдат гістарычных навук.

братимый характер. Это в полной мере относится и к комплексу проблем, связанных с изменением форм и структур государственной власти раннего Нового времени, среди которых французская модель абсолютной монархии считается классической. В современных условиях изучение эволюции государства указанного периода представляется весьма актуальным. Именно в Новое время отчетливо проявились различные институциональные и социокультурные модели европейской государственности, что привело впоследствии к разным историческим судьбам государств и регионов Европы. Более того, сформировавшиеся в Новое время различные варианты политической культуры не только пережили свое время, но и сказываются на современных процессах.

Может показаться, что проблематика французского абсолютизма достаточно традиционна для российской историографии. Действительно, в количественном отношении это верно. Между тем масштабные концептуальные изменения, приведшие от концепции «равновесия» к пониманию абсолютной монархии как некоей самоценной «вещи в себе», проявляющейся на макро- и микроуровнях, еще не стали предметом специального внимания. Разумеется, в публикациях последних лет соответствующие изменения отмечались точно, применительно к конкретным сюжетам. Проблему же в целом обозначил один из ведущих российских специалистов в области медиевистики и истории раннего Нового времени П. Ю. Уваров. Он отметил, что «...наблюдается странная закономерность: чем больше мы узнаем о повседневности политической власти, тем реже исследователи пользуются термином «абсолютизм». Слишком велика оказывается пропасть между теоретическим уровнем обоснования королевских прерогатив... и реальной практикой отправления власти и правосудия... Этот новый ракурс привел одних авторов к демонстративному развенчанию термина «абсолютизм», а других — к простому игнорированию его в своих практических исследованиях» [1, с. 237].

В статье сделана попытка дать ответ на вопрос: почему и каким образом происходили изменения, вызвавшие такую ситуацию? При этом рубеж 1980—90-х гг. как период переходный и переломный одновременно весьма показателен.

На протяжении последних десятилетий, в связи с разворачиванием антропологического и лингвистического поворотов и семиотического подхода, оформился дискурсивный подход. Существует множество дефиниций дискурса. С позиций исторической науки удачным следует признать определение отечественных исследователей В. Н. Сидорцова

и О. М. Шутовой: дискурс есть языковое сознание эпохи. Из речевой деятельности во всех ее проявлениях историк может определить, как «рисовали» в речи свою жизнь люди изучаемой им эпохи. Соответственно, бытие есть текст, а мир — это семиотическое образование, которое может быть расшифровано [2, с. 38—43].

Удачно определение дискурса российской исследовательницы В. Е. Чернявской: «Под дискурсом следует понимать текст(ы) в неразрывной связи с ситуативным контекстом: в совокупности с социальными, культурно-историческими, идеологическими, психологическими и др. факторами, с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом, обуславливающую особую — ту, а не иную — упорядоченность языковых единиц разного уровня при воплощении в текст» [3, с. 77, 78].

Из множества подходов к дискурс-анализу, применяемых в современных условиях, автором выбран интегративный подход, который рассматривает дискурс, принимая во внимание позиции коммуникативистики, семиотики, прагматики, когнитивистики, с учетом различных видов информации и содержания [4, с. 11, 12]. Типологически рассматриваемый дискурс — письменный, по функциональности — научный, институциональный, преимущественно индивидуальный. Автор согласна с трактовкой научного текста, предложенной российской исследовательницей С. В. Ракичиной, которая рассматривает научный текст как «результат когнитивно-дискурсивной деятельности ученого, содержащий относительно завершенное научное знание, структурированное в соответствии с разработанной автором концепцией, объективируемой синкретической системой общезыковых и идиостилистических средств» [5, с. 14].

В постсоветской историографии существует масштабная работа, касающаяся французского абсолютизма и созданная на основе дискурсивного подхода. Это — «Наука “убеждать”, или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе: 20-е — начало 50-х гг. XX века» С. В. Кондратьева и Т. Н. Кондратьевой. Работа содержит, несомненно, ряд методологических находок. Однако, как видно из названия, авторами рассматривается совершенно иной, в отличие от предложенного в статье, временной отрезок [6].

Характеристика историографической ситуации рубежа 1980—90-х гг. представляет собой уровень экстралингвистического, т. е. над- и вокругтекстового анализа. Это — «дух времени», исторические, психологические, идеологические, социальные и другие факторы [3, с. 89]. На-

чаятая в середине 1980-х гг. политика перестройки стала важнейшей предпосылкой для изменений в историографии, однако методологический перелом произошел несколько позже. Должен был пройти определенный период накопления материала, формирования нового теоретического видения и тематики, появления соответствующих работ.

Указанные явления вызревали достаточно давно. Так, еще в 1968—1972 гг. прошла дискуссия по проблемам абсолютизма, отвергнувшая концепцию «равновесия» не только применительно к России, но и ряду европейских стран [7]. Отрицание универсальности концепции «равновесия» значило не что иное, как демонстрацию предела социологического подхода в его марксистской интерпретации, невозможности сведения всего многообразия исторических явлений к причинам социально-экономического порядка. Появившаяся в середине 1985 г. статья С. О. Шмидта, Е. В. Гутновой, Т. М. Исламова «Абсолютизм в странах Западной Европы и России (опыт сравнительного изучения)» была своего рода «отправной точкой» для последующего десятилетия. Статья, безусловно, написана в традициях советской историографии, с цитатами классиков марксизма, акцентом на роль классовый борьбы, расстановку классовых сил, принятие, хотя и с известными оговорками, тезиса «равновесия» между дворянством и буржуазией и т. д. [8, с. 43—47]. Вместе с тем в работе присутствует наряду с достаточно толерантным отношением к западноевропейской историографии ряд перспективных идей. Это выявление специфики абсолютизма в конкретных странах, отсутствие отвлеченных социологических схем, признание того факта, что абсолютный монарх не был полностью независим в своей деятельности и т. д. [8, с. 44]. Наконец, предложенное в статье определение абсолютизма было настолько универсально и гибко, что вполне актуально и сейчас. Действительно, что можно принципиально возразить против понимания абсолютизма как комплексной социально-политической системы, «которая представляла собой последнюю наиболее централизованную форму феодального государства и возникла в условиях зарождения капиталистических отношений, так или иначе затрагивавших все страны Европы» [8, с. 43].

Во второй половине 1980-х гг. было фактически реабилитировано понятие «Старый порядок», обозначавшее период позднего феодализма и переходный характер общества [9, с. 27]. В связи с формированием «нового политического мышления», наступательно-критический тон в отношении западноевропейской историографии, господствовавший в советской исторической науке, постепенно сгладился. Ослабление иде-

ологического контроля и стремление «по-новому» интерпретировать марксизм привели не только к иному толкованию смысла текстов, но даже к изменению их внешнего вида — постепенно исчезали многочисленные цитирования классиков марксизма. Изменялись ключевые слова. Более того, показательным являлось не только то, что было сказано, но и то, что не было сказано, в сравнении с предыдущей традицией. Отмеченное обнаруживается как на уровне макросемантического анализа, т. е. общей смысловой структуры текста, так и на микроуровне текста — слов, словосочетаний, предложений и т. д. [3, с. 89].

Мощный удар устоявшимся в советской историографии представлениям о «феодально-абсолютистском строе» во Франции нанесло обсуждение проблем, связанных с 200-летием Великой французской революции. Например, само за себя говорит название сборника «От Старого порядка (а не феодально-абсолютистского строя. — Л. Л.) к революции» [10]. Не случайно Л. А. Пименова задает вопрос: «Что же было феодальным во Франции XVIII века?» Экономика была многоукладной, государство и общество также представляли собой переплетение разнородных элементов. Поэтому лучше вместо «феодально-абсолютистского строя» пользоваться принятым во французской литературе термином «Старый порядок» [11, с. 94, 95]. А. В. Чудинов, анализируя ряд проблем, связанных с Французской революцией, указывал на некорректность дальнейшего применения понятия «феодально-абсолютистский строй» и необходимость создания адекватной картины предреволюционной Франции [12, с. 70, 71].

Новые смысловые акценты сочетались с формированием соответствующего проблемного поля и методологических приоритетов, высказываемых в обобщающих публикациях. Подобное межтекстовое взаимодействие давало дополнительный импульс происходящим изменениям. Показательна работа Е. В. Гутновой, признанного авторитета в историографии медиевистики, «Государство в структуре и эволюции феодального общества» [13], в которой указано на недостаточное внимание советской медиевистики к вопросам истории государства, что не только было упрощенным подходом, но и приводило к недооценке значения истории государства и права, религии и церкви, духовной культуры и идеологии [13, с. 247]. Подобная позиция автора, высказанная в 1989 г., была бы невозможной в предшествующие десятилетия. Далее Е. В. Гутнова обратила внимание на ряд вопросов, которые впоследствии сформируют «проблемное поле» в изучении западноевропейской абсолютной монархии: соотношение центральной власти и местного управления, де-

тельность аппарата управления, новое осмысление социальной политики, многообразие путей централизации, государство и культура, государство и церковь, наконец, личностный фактор [13, с. 252—260].

В конце 1980-х появляются работы качественно иной тематики и тональности в сравнении с традиционной советской проблематикой. Так, новым выглядело рассмотрение высшей бюрократии в системе Старого порядка, предпринятое Н. Е. Копосовым [14]. Феномен высшей бюрократии автор связывал с проблемой самореформирования абсолютизма и причинами Великой французской революции, среди которых не упоминался конфликт новых производительных сил и старых производственных отношений. Вывод звучал так: «С внутренней стороны (ибо мы не говорим здесь о состоянии общества) абсолютизм не мог самореформироваться потому, что его организация власти была не способна к политике последовательных реформ, ибо построена была не вокруг политической партии, а вокруг бюрократического лобби, не на основе принципиальной программы, но на основе родственных и деловых связей» [14, с. 51].

Вместе с тем рубеж 1980—90-х гг. — это период методологического перехода и сосуществования альтернативных традиций. Примером советской традиции является исследование К. И. Батыра, утверждавшего, в соответствии с ленинской оценкой, что «абсолютная монархия, обладая высокой степенью самостоятельности, тем не менее не могла эволюционно трансформироваться в буржуазную» [15, с. 8]. Абсолютная монархия во Франции, как, впрочем, абсолютизм любой другой страны, не могла быть и не была надклассовой силой, способной «отменить» феодализм [15, с. 20].

Знаковыми же для рубежа 1980—90-х гг. являются работы историков Н. Е. Копосова и Е. М. Кожокина. Статья «Французский абсолютизм и финансисты в свете новейших исследований» [16], как и приведенная выше работа о бюрократии, даже внешне имеет мало общего с «доперестроечной» традицией. Созданные на материале французских авторов, без критики буржуазной историографии и обращения к классикам марксизма как некоему методологическому эталону, работы демонстрируют сугубо авторскую позицию. В частности, в статье о финансистах подвергается сомнению тезис о безраздельном господстве знати в королевских финансах [16, с. 146—154.]. Опираясь на зарубежную историографию, Н. Е. Копосов формулирует идею границ власти короля, которая развивается впоследствии. «Неправильно видеть, — утверждает он, — в провинциальных интендантах всевластных агентов королевского произ-

вола или просвещенных реформаторов жизни провинций: ни для того, ни для другого у них просто не хватало сил. Все это вносит существенные коррективы в привычную картину французского абсолютизма, который, при ближайшем рассмотрении, даже в пору своего наивысшего расцвета предстает не слишком «абсолютным» [17, с. 160].

Особое внимание было уделено Н. Е. Копосовым изучению политических карьер XVII в. Сформулированный вывод также разрушал ряд стереотипов. Несмотря на социальное происхождение, которое слабо сказывалось на карьерном росте, и с учетом более значимых родственных связей, политические карьеры определялись в первую очередь «деловыми качествами... в особенности умственными способностями, деловыми навыками, честолюбием и готовностью исправно вершить волю министров» [18, с. 16, 17].

Статья «Абсолютная монархия во Франции» выглядит если и не «концептуальным прорывом», то примером нового дискурса [19]. Справедливо утверждая, что неправомерно переносить государственно-правовые концепции XIX — начала XX в. (время создания теории абсолютной монархии в историографии) на реалии XVI—XVIII вв., Н. Е. Копосов, по сути, разрушил тезис о неограниченной власти монарха при абсолютизме, указывая на ряд ее институциональных и доктринальных ограничений [19, с. 42—44]. Было показано, что, несмотря на армию, финансы, аппарат управления, материальной силе государства противостояла независимая от него сила общества [19, с. 45—54]. Характеристика абсолютизма как феодального государства, по мнению Н. Е. Копосова, является упрощенной — и общество, и государство Старого порядка относились к переходному от феодального к капиталистическому типу [19, с. 55]. Говоря о причинах возникновения абсолютной монархии, автор не упоминает концепцию «равновесия», а утверждает, что абсолютизм был этапом почти тысячелетнего роста государства, который, в качестве гипотезы, уместно связать с усложнением общественной жизни, совершенствованием управления экономикой, формированием нового типа личности [19, с. 55].

Как отклик появилась заметка Ю. Е. Ивонина с красноречивым названием «Нужно ли возобновлять дискуссию об абсолютизме?» [20]. Автор полемизирует с Н. Е. Копосовым, делает это корректно, по существу. Разумеется, «статья не бесспорна во многих отношениях» [20, с. 177], но обороты «автор не без оснований подчеркивает», «справедливо обращается внимание», «справедливо подчеркивается» [20, с. 177, 178] указывают скорее на желание конструктивного диалога, формой

которого и представлялась дискуссия. В ее ходе могло быть выработано «более емкое, цельное, всестороннее, объективное и научно обоснованное представление об абсолютной монархии во Франции» [20, с. 178]. Другое дело, что историографическая реальность начала 1990-х гг. оставила высказанную идею только в проекте.

Значимым симптомом изменений в дискурсе стало появление работ, посвященных государственным деятелям Франции эпохи абсолютизма. Нужно отметить, что в советской историографии выпуск специальных работ, посвященных представителям «эксплуататорских классов», к тому же с раскрытием их внутреннего мира, был невозможен. В 1990 г. вышла созданная П. П. Черкасовым политическая биография кардинала Ришелье [21]. Написанная живым языком, с огромным вниманием к внутреннему миру Ришелье, она рисует панораму внутренней и внешней политики Франции. Лишенная прямолинейных оценок, основанная в большей степени на французских источниках, книга формирует многогранный образ, отнюдь не идеализируя кардинала.

По сути, символическим исследованием стала работа В. Н. Малова, представителя старшего поколения историков, «Ж.-Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество». С одной стороны, в ней на основе марксистской методологии изложена концепция французского абсолютизма, с другой — биография Ж.-Б. Кольбера, «великого французского государственного деятеля» [22, с. 3]. С точки зрения советской историографии, создание биографии недостойного такого «почета» представителя абсолютистского государства было бы проблематичным в «доперестроечных» условиях. Позднее В. Н. Малов отмечал: «Самая главная и самая сложная работа — безусловно, книга о Кольбере. Для меня это было как штурм Измаила, о котором Суворов сказал, что решиться на такое дело можно только раз в жизни. Тема масштабная, широкоохватная и такая замусоренная стереотипами, легендами... Да тут еще «указание» начитавшегося физиократов Энгельса на то, что мануфактуры Кольбера разорили крестьянство, — как бревно поперек дороги... Хорошо, что я писал книгу уже в годы перестройки. Мне было очень трудно решиться взять эту тему, некоторое время казалось, что тут ничего нельзя сделать...» [23, с. 56].

Постепенно практически по всем позициям произошло либо уточнение, либо разрушение прежних представлений. Разрыв с ними иллюстрируют такие, например, характеристики королевской власти, данные Е. М. Кожокиным: «Королевская власть, эманацией которой... являлось государство, в сознании людей покоилась на трех основах: религиозной,

феодалной и римско-правовой ... в самой ее природе было много мистического, ускользающего от современного рационального осмысления. Мистика присутствовала в самом официальном титуле государя — «король Франции», под словом «Франция» подразумевалась не политическая или географическая реальность, а некая духовная сверхреальность. Мистика, политика, религия, экономика сливались в одно целое. Рациональное расчленение сфер общественной жизни еще только намечалось...» [24, с. 4]. «Королевская власть, эманацией которой являлось государство», «мистика», «духовная сверхреальность» — это не только принципиально новый дискурс и новая лексика, но и концептуально противоположное советской традиции видение проблемы государства и монархической власти, в соответствии с которой они расценивались как орудия классового господства.

Таким образом, на рубеже 1980—90-х гг. историографические трансформации, в известной мере подготовленные ранее, приобрели необратимый характер. Они проявились в изменении лексической, предметной, понятийной составляющих дискурса. Более того по сравнению с дореволюционной и советской традициями изменился ценностный подход к абсолютизму. Последний перестал быть преимущественно предпосылкой буржуазных революций и «неизбежным злом», которому предьявлялся счет, и стал расцениваться как явление, представляющее собственную научную значимость. Не случайно впоследствии возрастает количество исследований, посвященных практике абсолютной монархии, ее церемониалу, повседневности, властным структурам, политическому имиджу, символике власти, влиянию на коллективную психологию и общество и т. д. Получает широкое развитие социально-психологический подход, в рамках которого создаются психологические и политические портреты монархов и деятелей королевской администрации.

Доминирование социально-экономической модели абсолютизма становится фактом историографического прошлого. Однако применение преимущественно социально-психологической модели и выход на микроуровень вызвали ту самую ситуацию, о которой говорил П. Ю. Уваров: абсолютная монархия при пристальном рассмотрении оказалась уже не тем, что должно было быть в соответствии с имеющимися определениями. Массив конкретного материала перестал укладываться в рамки существующих схем, сломанных самооценностью единичного и уникального. В свете сказанного ясно, почему в современных условиях разрабатываются преимущественно частные проблемы, а создание це-

лостной модели абсолютной монархии с соответствующими дефинициями представляется задачей будущего.

Широкие перспективы имеются в этой области для дискурс-анализа, разномасштабность и многоуровневость которого открывают новые ракурсы и возможности. Понимание нарративного источника как артефакта культуры, интертекстуальности исторического знания, а культуры — как совокупности дискурсов и знаковых систем требует соответствующей методики и методологии. Именно поэтому дискурс-анализ в историографии привлекает особое внимание отечественных исследователей [25].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Уваров П. Ю.* Французский король, его суды и его подследственный (дело Филиппа Кавелье, 1546—1553) // Искусство власти : сб. в честь проф. Н. А. Хачатурян. СПб. : Алетей, 2007. С. 236—257.

2. *Сидорцов В. Н., Шутова О. М.* Лингвистический поворот в историографии и дискурс-анализ // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып. 5: Дискурс в современном гуманитарном знании / М. О. Александрович [и др.]. М. : Изд. центр БГУ, 2008. С. 37—48.

3. *Чернявская В. Е.* Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого взаимодействия : учеб. пособие. М. : Флинта ; Наука, 2006. 136 с.

4. *Маркович А. А.* Дискурс: определения, история возникновения, типология, подходы к изучению дискурса // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып. 5: Дискурс в современном гуманитарном знании / М. О. Александрович [и др.]. М. : Изд. центр БГУ, 2008. С. 5—17.

5. *Ракитина С. В.* Когнитивно-дискурсивное пространство научного текста : автореф. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград, 2007. 44 с.

6. *Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н.* Наука «убеждать», или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе: 20-е — начало 50-х гг. XX века. Тюмень : Мандр и К°, 2003. 272 с.

7. *Чистозвонов А. Н.* Некоторые аспекты проблемы генезиса абсолютизма // Вопр. истории. 1968. № 5. С. 46—62.

8. *Шмидт С. О., Гутнова Е. В., Исламов Т. М.* Абсолютизм в странах Западной Европы и в России (опыт сравнительного изучения) // Новая и новейшая история. 1985. № 3. С. 42—58.

9. *Пименова Л. А.* Дворянство накануне Великой французской революции. М. : МГУ, 1986. 213 с.

10. От Старого порядка к революции: к 200-летию Великой французской революции : межвуз. сб. / под ред. В. Г. Ревуненкова. Л. : ЛГУ, 1988. 175 с.

11. *Пименова Л. А.* О некоторых спорных вопросах истории Старого порядка и революции // Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции : материалы круглого стола 19—20 сент. 1988 г. М. : ИВИ РАН, 1989. С. 93—98.
12. *Чудинов А. В.* Назревшие проблемы изучения истории Великой французской революции (по материалам обсуждения в Институте всеобщей истории АН СССР) // Новая и новейшая история. 1989. № 2. С. 65—74.
13. *Гутнова Е. В.* Государство в структуре и эволюции феодального общества // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. Вып. 2. М. : Наука, 1989. С. 247—260.
14. *Копосов Н. Е.* Высшая бюрократия в политической системе Старого порядка // От Старого порядка к революции: к 200-летию Великой французской революции : межвуз. сб. / под ред. В. Г. Ревуненкова. Л. : ЛГУ, 1988. С. 26—51.
15. *Батыр К. И.* Основные проблемы возникновения буржуазного государства во Франции (анализ современных французских историко-юридических исследований) : автореф. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Всесоюз. юрид. заоч. ин-т. М., 1989. 41 с.
16. *Копосов Н. Е.* Французский абсолютизм и финансисты в свете новейших исследований // Французский ежегодник. 1985. М. : Наука, 1987. С. 139—155.
17. *Копосов Н. Е.* Провинциальные интенданты во Франции Старого порядка (аналитический обзор) // К 200-летию Великой французской революции (зарубежная историография) : реферат. сб. М. : ИНИОН, 1988. 160 с.
18. *Копосов Н. Е.* К изучению политических карьер во Франции XVII в. // Вестн. ЛГУ. Сер. 2. Вып. 2. 1989. С. 11—18.
19. *Копосов Н. Е.* Абсолютная монархия во Франции // Вопр. истории. 1989. № 1. С. 42—57.
20. *Ивонин Ю. Е.* Нужно ли возобновлять дискуссию об абсолютизме? // Вопр. истории. 1989. № 12. С. 176—178.
21. *Черкасов П. П.* Кардинал Ришелье. М. : Междунар. отношения, 1990. 384 с.
22. *Малов В. Н., Кольбер Ж.-Б.* Абсолютистская бюрократия и французское общество. М. : Наука, 1991. 240 с.
23. Интервью с Владимиром Николаевичем Маловым // Средние века. Вып. 69 (2). М. : Наука, 2008. С. 55—58.
24. *Кожокин Е. М.* Государство и народ. От Фронды до Великой французской революции / отв. ред. П. П. Черкасов. М. : Наука, 1989. 176 с.
25. *Сидорцов В. Н.* Научный дискурс историка: социальная обусловленность и методология исследования. Минск : Изд. центр БГУ, 2013. 192 с.